**40 лет назад Андрей Тарковский начал снимать «Страсти по Андрею» – фильм, признаваемый многими лучшей картиной советского кинематографа. На прошлой неделе в Российском фонде культуры по этому поводу состоялся вечер памяти.**

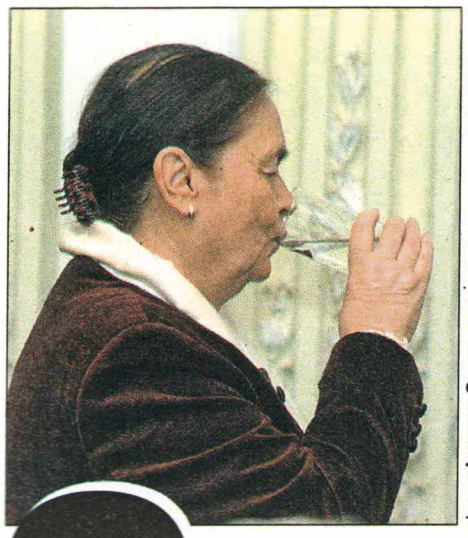

фото Андрея Струнина

# Страсти по Андрею

***Сестра Тарковского пыталась остудить пыл спорщиков: Юсова, Бурляева, Ямщикова (слева направо) и других***

## Сначала было слово...

Сценарий «Страстей по Андрею» был написан Михалковым-Кончаловским и Тарковским еще в 1963 году.

Сам Кончаловский сценарием сегодня недоволен:

– Мы быстро его написали – молодые, водки много могли выпить... А если серьезно, композиция «Рублева» меня не устраивает. Надо было взять одну новеллу с колоколом, а остальное сделать возвратами, воспоминаниями героя... Избыточная вещь. Но фильм великий.

Сценарий прочел молодой Анатолий Солоницын. Он сорвался из Свердловска в Москву – доказывать, что он и только он должен! Был уже утвержден Станислав Любшин, и Тарковскому стоило немалого труда все переиграть.

Громадную трехчасовую фреску сняли за год.

Фильм был резко осужден даже коллегами Тарковского: «Это не Русь! В России в четырнадцатом веке был ренессанс, расцвет, а вы что показываете!» Фильм просили для Канна в 1967 и 1968 годах – его не отдавали. Год спустя, в 1969 году, на каннском внеконкурсном показе фильм стал сенсацией фестиваля. Но только в 1971-м он вышел в советский прокат.

## ...а сейчас – слишком много слов

Есть что-то заунывное в вечерах памяти. Вроде бы и тема для разговора есть, ан нет – это лишь повод, чтобы собраться и говорить о себе. Вечер, посвященный сорокалетию начала съемок «Рублева», от прочих мало чем отличался.

Говорили долго и много, но о самом Тарковском и фильме мало. Звучали монологи на тему «Я и Тарковский». Тарковский каждый раз получался иным.

Ведущего Савву Ямщикова подташнивало от нынешнего кино.

– Снимут два плохоньких фильма и удивляются: как, мол, нас на фестивале прокатили. Куда катится российское кино? – вопрошал он у присутствующих. Народ безмолвствовал, потому как в большинстве и не видел «современного российского». А пришли они на «Рублева», засмотренного до дыр.

Ямщиков был на картине вторым консультантом, он специалист по иконописи, и его обвинения в адрес всего нового стали уже привычны – особенно читателям «Завтра», где он частый гость. Свою близость с Тарковским он подчеркивает и, кажется, несколько преувеличивает.

– Ужо Андрея на них нет, – пригрозил Ямщиков кому-то, грозно посматривая в окошко, и передал слово оператору картины.

Оператор Вадим Юсов говорил именно о фильме, о трудностях согласования сценария да о выбивании сметы.

– На съемки требовался 1 млн. 200 тысяч рублей, дали девятьсот тысяч. Заставили написать гарантийное письмо, что Тарковский снимет за последнюю сумму. Написали. В конце фильма подсчитали – получилось ровно 1 млн. 200 тысяч. Еще помню, как дерево везли. Обязательно хотелось Андрею, чтобы дерево было в кадре. Как символ. Обожженное, огромное, с руками-ветками, растопыренными в разные стороны. Нашли ему дерево. Выкопали, привезли, обожгли. Все получилось именно так, как хотел Андрей.

***Артист Бурляев (на коленях) считает Тарковского Андреем Первозванным в кино, а артист Назаров (на коне в центре) уверен, что ничего христианского в режиссере не было...***

А кинематограф не обречен, – нелогично как-то подытожил Юсов, бросив взгляд на Ямщикова.

Подлить масла в огонь получилось у Николая Бурляева, которого все по привычке звали Колькой – за крайнюю молодость в том, 1965-м. Реже Бориской – по роли. Он играл мальчика-колокольщика, льющего колокол наугад – отец, умирая, не успел передать ему секрет колокольной меди.

– Кустурица говорил мне, что учился на «Андрее Рублеве» и вообще на творчестве Тарковского. Для меня Тарковский – Андрей Первозванный христианского кинематографа. Однажды мы пообедали у меня дома и поехали по гостям. Приехали к Шостаковичу, тот нажарил рябчиков, выпили коньяку, там была еще Маша Вертинская. А потом я вез его домой на такси. И он сказал: «Как бы трудно ни было, надо жить и работать в России».

Уже несколько лет спустя после его смерти я читал отрывок из его дневника. Там было что-то вроде «все, что я делал – было от Бога. Он, как бы положив руку мне на затылок, управлял мной». И вот тогда я понял Тарковского, – удивил Бурляев.

Атеист Юрий Назаров (он сыграл братьев-князей, одержимых усобицей) гневно обрушился на Бориску:

– Да не было ничего христианского в Андрее и в его творчестве. Ре-а-лизм. Чистейшей воды. Ужасы России, ее беды и тяготы стремился показать. И символизма у него не было. А религиозность ему навязали – и здесь, и на Западе. А «Рублев» – автопортретный фильм. Бориска и Рублев – сам Тарковский. А смысла у фильма два: исторические события, погружение в историю – и душа художника!

**На съемки требовался 1 млн. 200 тысяч рублей, дали 900.000. Под гарантию, что больше не попросит.**

Для успокоения спорящих явили миру сестру Тарковского Марину. Она испытывала неловкость. Но разрешить спор было надо.

– Андрей посылал сценарий нашему отцу, человеку религиозному. Спрашивал его совета, и отец сценарий раскритиковал. Это был спор верующего и неверующего. Последним был Андрей. У отца было два принципиальных возражения – сцена, когда Рублев разбивает иконы, и бунт Кирилла: «Такое не может быть с монахом». Андрей думал иначе, и фильм вышел с этими сценами.

## Роль князей писалась под Шукшина

В картину из-за ограниченности средств не вошли некоторые эпизоды. Например, начать планировалось с Куликова поля. Когда среди павших воинов ищут князя. Его, раненого, находят и ведут. А тем временем поднимается черный с золотым вышитым ликом стяг. Он должен как бы собрать, поднять с поля всех тех, кто уцелел. К стягу должны были потянуться раненые, опираясь на мечи, на воинов.

Еще одна не вошедшая сцена – княжеская охота на белых лебедей. Черное лесное озеро, дремучий лес кругом, летящие белые лебеди и княжеская дружина. Андрей очень сожалел о том, что ему не удалось это снять.

– А вы, Юрочка, меня извините, – обратилась Марина к Назарову, – но роль князей писалась специально под Шукшина. Он поражал Андрея самобытностью. Их даже вдвоем на курс брать не хотели: Шукшина из-за излишней простоты и сапог, а Андрея из-за интеллигентности и томика «Война и мир» под мышкой. Но к моменту съемок фильма их пути разошлись.

– Неверующий фильм об Андрее Рублеве снимать бы не стал, – возразил Ямщиков.

После говорили еще долго. Но об Андреях почти не вспоминали – все больше о себе да о современном бедственном положении.

Я смотрел на все это и вспоминал отзыв на одном из интернет-форумов. Там мальчик, только что посмотревший «Рублева», удивлялся: почему в безрелигиозном СССР оказалась возможна такая картина, а в современной России подобного снять нельзя?!

«Рублев» – фильм о расколах, о походе брата на брата, о том, как русские сами себя мучают хуже всяких половцев; о гонениях на язычников, избиении скоморохов... И о том, как среди всего этого и над всем этим живет неубиваемый дух. В страшной, пыточной Руси он был жив. И в Советском Союзе вдруг пробивался его источник. А сегодня – улетел в дыру, пробитую в общей нашей темнице.

И собираться по ее углам, вспоминая о том, какие чудесные растения на этой почве когда-то произрастали, – только душу травить.

**Александр Шумский.**